

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях)

Андрей Виленович РЯБОВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreyr@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-7724-3962

ЦИТИРОВАНИЕ: Рябов А.В. (2019) От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях) // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 32–48. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

Статья поступила в редакцию 06.08.2019.

АННОТАЦИЯ. Распад Советского Союза и социалистического содружества способствовал воссозданию целостности миросистемы. И эти изменения стали важнейшей глобальной трансформацией второй половины XX века. Тогда возникло мнение, что со временем модель либерального капитализма установится во всех странах планеты. Однако воссоздание глобального мира не привело к его однородности. Возникли новые противоречия как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри стран «ядра» миросистемы. Все это подрывало ее устойчивость, и способствовало постепенному разрушению однополярного миропорядка. Россия поначалу попыталась встроиться в новую мировую реальность и стать главным партнером США как центра миросистемы. Однако в планах США и их союзников не предусматривалось, что Россия сохранит за собой роль важного самостоятельного актора в мировой политике. В итоге ин-

теграция России в Запад не состоялась. Тем не менее, перейдя к самостоятельной политике, не ориентированной на США и их союзников, Россия не могла претендовать на создание альтернативного глобального социального проекта, какой был у Советского Союза. Для этого у России не было ни ресурсов, ни идеи, привлекательной для остального мира. По мере того как Китай стал превращаться в экономическую сверхдержаву, поначалу казалось, что он не собирается предлагать миру свой социальный проект, альтернативный либеральному капитализму, а лишь претендует на то, чтобы занять в существующей глобальной системе место, соответствующее его экономическому влиянию. Однако после того, как США в середине 10-х годов почувствовали в Китае серьезного соперника и перешли к политике сдерживания его, ситуация изменилась. Китай стал разрабатывать собственную модель миропорядка. Многие эксперты полагают, что

нынешняя китайская модель социального и политического порядка может быть использована и другими развивающимися странами. Приведет ли это к появлению нового глобального проекта, альтернативного либеральному капитализму Запада, и к разрушению целостности миросистемы? Произойдет ли в результате нынешних процессов в мире новая глобальная трансформация? Данная статья посвящена анализу перспектив этих тенденций мирового развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *миросистема, мировой порядок, целостность, устойчивость, США, либеральный капитализм, альтернативный глобальный проект, Россия, Китай, американо-китайские отношения*

Распад мирового социалистического содружества во главе с Советским Союзом, повлекший за собой исчезновение международного коммунистического движения и общественной модели «социалистической ориентации» для развивающихся стран, стал, безусловно, главной глобальной трансформацией конца XX в. Немногим более четверти века назад казалось, что эта трансформация надолго определит будущее мировой экономической системы и мирового политического порядка. Однако в настоящее время в мировой политике начинаются серьезные изменения, которые, по нашему мнению, уже в ближайшем будущем могут вызвать новую глобальную трансформацию. Цель этой статьи – описать такие сдвиги и проанализировать их природу, рассмотрев во взаимосвязи с предшествующей глобальной трансформацией. В процессе изложения нами активно используются элементы миросистемного анализа, его категориально-понятийный аппарат, хотя при этом выявление особенностей возможной

эволюции самой миросистемы в результате происходящих изменений и не входит в нашу задачу.

Итоги и последствия соревнования двух социальных проектов в XX веке

Историческое развитие человеческой цивилизации в XX в. определялось соревнованием двух социальных проектов, претендовавших на универсальную, планетарную роль, – американского и советского. Они предложили разные ответы на главные вызовы столетия, связанные с необходимостью обеспечения достойного уровня жизни неимущих классов, реализации их социальных и политических интересов, а также развития стран и народов, долгое время находившихся в состоянии колониальной и полуколониальной зависимости [Ариги 2006, с. 109–112]. Советский проект обещал справедливое централизованное перераспределение общественных богатств силами «государства трудящихся», которое монополично управлялось коммунистической партией, вооруженной, согласно замыслу создателей проекта, «единственно верной идеологией» марксизма-ленинизма. Экономически советский проект базировался на тотальном господстве государственной собственности. Его целью являлось создание всемирной республики Советов на принципах «пролетарского интернационализма».

Американский же проект исходил из идеи достижения всеобщего благосостояния на основе развития рыночной экономики, частной собственности и либеральной демократии, а для народов колониальных и полуколониальных стран он предлагал твердое соблюдение права наций на самоопределение. Во второй половине XX в. основные идеи американского проекта, обра-

щенные во внешний мир, трансформировались в простую и понятную формулу – «благосостояние + свобода».

Оценивая это соревнование в категориях миросистемного анализа, важно подчеркнуть, что американский проект, опирающийся на весь пятисотлетний опыт развития капитализма, являл собой стержень современной миросистемы, которая, по определению И. Валлерстайна, «есть и всегда была капиталистической мироэкономикой» [Валлерстайн 2006, с. 85]. Советский же проект претендовал на создание собственной альтернативной системы в мировом масштабе, причем не только экономической, но и политической [Валлерстайн 2003, с. 18]. И это вполне естественно, поскольку экономическая система советского типа могла существовать только в рамках однопартийного политического порядка, скрепленного единой государственной идеологией и жестко разделявшего общество на управляемое большинство и абсолютно неконтролируемое им управляющее меньшинство.

Эта система проиграла в конкурентной борьбе с капитализмом. Она не смогла достичь того же уровня благосостояния для массовых слоев населения, а идея образования всемирной республики Советов оказалась утопией и явно непривлекательной по сравнению со стремлением многих народов к созданию собственных суверенных государств. При этом в общественной жизни в разных уголках планеты в XX в. усиливалась притягательность свободы как фундаментального принципа человеческого бытия, что объективно снижало интерес к советской системе, основанной на несвободе, и ее конкурентные качества. Поэтому, оценивая историческое значение Русской революции 1917 г. как события, вызвавшего к жизни советский проект и порожденные им глобальные трансформации

XX в., следует ограничиться указанием на два важнейших ее последствия для мировой истории. Во-первых, в силу изначально сильного эгалитаристского импульса она подтолкнула социальные реформы в пользу неимущих слоев населения в странах ядра капиталистической системы. Во-вторых, советский проект вплоть до конца 1970-х гг. был для многих стран мировой периферии и полупериферии ориентиром, образцом в решении проблем преодоления отсталости. И в этом смысле, по видимому, можно сказать, что это было восстание мировой периферии и полупериферии против несправедливости миросистемы, которое, однако, в результате завершилось неудачей.

Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой советский проект «в конечном итоге привел не к созданию какой-то альтернативной системы, а к “периферийному встраиванию” в господствующую мировую систему “на условиях особой стороны, сохраняющей изрядную долю внутренней автономии”» [Жарков, Захаров, Рябов, Симон 2017, с. 18].

Однако даже если принять эту точку зрения, то все равно придется признать, что крах советского проекта в конце 1980-х – начале 1990-х гг. открыл путь к восстановлению целостности капиталистической миросистемы, разрушенной в XX в. И поскольку победу в соревновании одержал либеральный капитализм, который на протяжении ушедшего столетия олицетворял американский проект, на волне происшедших тогда изменений появилась надежда и на создание в будущем глобального политического проекта, основанного на идеях либеральной демократии. Знаковой для того времени стала идея «конца истории», выдвинутая Ф. Фукуямой в его знаменитой статье. Называя либеральную демократию наилучшей и универсальной, и в этом смыс-

ле конечной формой социальной организации, автор концепта «конца истории» вместе с тем признавал, что «либерализм победил пока только в сфере идей, сознании; в реальном, материальном мире до победы еще очень далеко! Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный» [Фукуяма 1990, с. 134]. Иными словами, в те годы могло показаться, что и новый мировой порядок, который со временем будет установлен политически однотипными государствами, будет базироваться на либерально-демократических принципах. На реалистичность такой перспективы тогда указывало и безусловное господство США в мире в 1990-е гг., в результате которого сложился однополярный миропорядок.

Кроме того, «распад мировой социалистической системы снял основное препятствие для продвижения грандиозного проекта воссоздания глобального мира на рубеже 1980-х – 1990-х гг. “Воссоздания”, потому что развитие человеческой цивилизации приобрело глобальный характер еще в XIX в. Правда, это был другой глобальный мир, построенный на иных основаниях» [Кувалдин 2014, с. 14]. По справедливому замечанию Б. Кагарлицкого, «глобальная система не могла стать радикально иной, до тех пор, пока сохранялся Советский Союз в качестве сверхдержавы и центра альтернативной миросистемы» [Кагарлицкий 2004, с. 477–478]. Иными словами, распад СССР и социалистического содружества стали отправной точкой нынешнего этапа глобализации в его американоцентричном виде, который в настоящее время переживает глубокий кризис. Воссоздание целостности миросистемы, глобального мира, ощущение торжества либеральной идеи – все это вполне закономерно пробудило в 1990-е гг. инте-

рес к проектам управления глобализацией и даже создания мирового правительства.

Однако восстановление целостности миросистемы не сделало ее более однородной, не продвинуло к политической однотипности, не означало ускорения политической консолидации мира. Конец советского проекта привел и к расширению мировой периферии и полупериферии, в частности на постсоветском пространстве [Ланкин, Пантин, Рябов 2014, с. 185–208]. Расширение мировой периферии и полупериферии, а также новые конфликты, способные расширить ее границы, указывали на то, что целостность миросистемы, достигнутая глобальной трансформацией конца 1980-х – начала 1990-х гг., может оказаться неустойчивой, и новое восстание полупериферии, подобное тому, что произошло в 1917 г., не исключено.

Новые неопределенности

Процессы глобализации, развернувшиеся в условиях новой технологической революции, привели к возникновению новых противоречий как внутри отдельных государств, между ними, так и в планетарном масштабе, поверх государственных границ. В первую очередь надо упомянуть противоречие между теми, кто встроился в глобальный мир и живет в открытом пространстве без границ, свободно самореализуется благодаря собственной предприимчивости, таланту и профессиональной востребованности, и теми, кто прикован к своим локальным пространствам, зависим от внешних обстоятельств и потому чрезвычайно чувствителен к изменениям окружающей его социальной среды [Бауман 2004, с. 124–128]. Развертывание глобализации усиливает сопротивление

ей со стороны сил, прикованных к своим локалитетам и опасаящихся прихода «неудобного» будущего. Причем недовольство возникает не только в странах периферии, но и внутри развитых государств, открывая путь мощному взлету популизма. Как справедливо отметил Г.И. Вайнштейн, «по сути дела в антиглобалистских настроениях значительной части западного общества отражается вся гамма общественных недовольств (как социально-экономического, так и культурно-цивилизационного и политико-институционального характера), создающих питательную среду для укрепления популизма во всех его политических оттенках» [Вайнштейн 2017, с. 79]. В наше время неприятие различных сторон глобализации уже привело к таким успехам популизма, как победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. и Brexit, а также взлет популистских партий и движений во многих европейских странах. Таким образом, неравномерность нынешнего этапа глобализации, ее внутренняя противоречивость подрывают устойчивость миросистемы, причем не только по линии усиления разрывов между центром и периферией, но и внутри стран, составляющих ее ядро, подталкивая их правительства к укреплению антиглобалистских подходов в политике и усиливая разочарованность населения в эффективности действующих демократических институтов.

Важнейшим следствием расширения зоны периферии и полупериферии, усиления внутренних проблем в западных демократиях, наряду с появлением к концу 2000-х гг. нового мирового центра экономической мощи в лице Китая, стало постепенное размывание однополярного миропорядка, возникшего в 1990-е гг. XX в. Уже тогда появились предположения, что в ближайшее время вокруг Китая консолидиру-

ются страны авторитарного капитализма, которые создадут «недемократический, но экономически передовой “Второй мир”», и он глубоко интегрируется в глобальную экономику на своих условиях, но будет играть роль противовеса либерально-капиталистическому Западу в мировой политике [Gat 2007]. Сторонники более радикальных взглядов даже выказывали предположение, что в XXI в. Китай с его специфической общественной системой и государством, имеющим цивилизационный характер, займет лидирующие позиции в мире, консолидировав вокруг себя и другие государства Восточной Азии [Jacquers 2009]. И это будет концом длительной гегемонии Запада во главе с США.

Россия: особенности адаптации к изменившемуся миру

В этом контексте несомненный интерес представляет вопрос о том, как Россия адаптировалась к новым реалиям, возникшим в результате главной глобальной трансформации конца прошлого столетия, как повлияло на нее восстановление целостности миросистемы, как изменилась в связи с этим ее роль в мировой политике. Поначалу полностью отказавшись от собственного социалистического проекта и провозгласив курс на строительство демократического общества с открытой рыночной экономикой, «новое руководство России во главе с Б. Ельциным предприняло попытку интегрировать Российскую Федерацию в западные институты в качестве “великой демократической державы” с особым статусом... Москва попыталась создать своеобразный мировой кондоминимум с США, своего рода “союз двух Америк”» [Тренин 2006, с. 70, 181]. Однако надеждам российского руководства не суждено было сбыться. И тому имелись

веские причины. Во-первых, Соединенные Штаты привыкли к роли безусловного лидера западного мира и не собирались ни с кем ею делиться в условиях расширившейся миросистемы. Во-вторых, лидирующие позиции в миросистеме и мировой политике занимали страны развитого капитализма, составлявшие ее ядро. Россия не относилась к их числу. Более того, созданная в ней в 1990-е гг. общественная модель ни в экономическом, ни в социальном, ни в технологическом планах не являлась конкурентоспособной.

Запад стремился интегрировать Россию в миросистему в качестве «обычной», «нормальной» страны, не играющей в мировой политике и экономике самостоятельной роли. России разрешили свободно в неограниченном количестве продавать нефть на мировые рынки. Следует подчеркнуть, что это было политическим решением. Как показывает опыт истории конца XX – начала XXI вв., торговля нефтью, точнее разрешения и запреты на нее, не раз играли роль инструмента политического влияния на те или иные страны. С его помощью могли как поощрять отдельные государства за проводимую ими политику, так и наказывать. Монархиям Персидского залива разрешили стать главными поставщиками нефти для экономики Запада за проводимую ими проамериканскую внешнюю политику, и при этом США и их союзники не предъявляли им никаких претензий за сохранение архаических феодальных внутриполитических порядков. А Ираку с 1991 по 2003 г., напротив, в наказание за агрессию против Кувейта было запрещено свободно торговать своей нефтью на мировых рынках (с 1995 по 2003 г. стране разрешалось торговать ею только в ограниченном количестве для закупок продовольствия и медикаментов). В ноябре 2018 г. США наложили санкции на тор-

говлю нефтью с Ираном в наказание за его внешнюю политику.

Разрешение России на свободную торговлю нефтью должно было открыть стране путь к вхождению в миросистему. Уже в 1990-е гг. российская экономика прочно интегрировалась в мировую в качестве поставщика сырья для стран развитого капитализма. Новым российским элитам предоставили возможность интегрироваться в Запад через возможности осуществления инвестиций, приобретения различных активов, обучения и проживания в западных странах. При этом в ведущих западных государствах, несмотря на декларируемую ими приверженность идеям демократического развития и правового государства, безразлично относились к некоторым недемократическим реалиям постсоветской России: полукриминальной приватизации, сращиванию власти и собственности, возникновению слоя «олигархов», усилившимся на протяжении 1990-х гг. авторитарным тенденциям в политике. Возможно, это было платой за ожидавшийся отказ России от попыток проводить независимый от Запада внешнеполитический курс. В этой связи уместно заметить, что в качестве поощрения происходивших в России изменений ведущие государства Запада пригласили ее в престижный международный клуб – «Большую Семерку» (G7), в которой РФ участвовала с 1997 по 2014 г. Но не исключено, что США и их союзники опасались вероятности возрождения коммунизма в России и потому полагали, что только создание класса крупных собственников в кратчайшие исторические сроки позволит создать надежную преграду этому. В рассмотренном контексте интеграция России в миросистему вполне сопоставима с уже упомянутым вхождением в нее, например, нефтедобывающих стран Персидского залива, которым в обмен на

надежные поставки нефти предоставили примерно те же возможности.

Впрочем, интеграция России по сценарию «обычной» страны в полном объеме не состоялась. Российская Федерация все же сохранила за собой элементы особого статуса. Как страна, обладающая сравнимым только с США ядерным потенциалом, Россия осталась в военном смысле сверхдержавой, унаследовавшей от Советского Союза место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Несмотря на стремление США и их союзников придать внешней политике новых независимых государств, образовавшихся на руинах СССР, полностью независимый от Москвы характер, ослабить влияние России на них, западные страны были вынуждены согласиться с особой ролью Российской Федерации в урегулировании межгосударственных и межэтнических конфликтов в этом регионе мира. Так, российские вооруженные силы участвовали в составе трехсторонней миссии по урегулированию конфликта в Приднестровье (1992–1995); Смешанных сил по поддержанию мира в Южной Осетии (1992–1998); представляли Коллективные силы СНГ по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта (1994–2008). С 1995 г. по настоящее время Россия является сопредседателем (наряду с Францией и США) Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху. Российское руководство и военные сыграли значительную роль в завершении гражданской войны в Таджикистане (1992–1997).

Однако попытка России проводить самостоятельную политику за пределами постсоветского пространства, отчетливо проявившаяся в ходе югославского кризиса 1998 г., натолкнулась на откровенное нежелание Запада учитывать интересы и позицию РФ. Тем не менее, хотя к концу 1990-х гг. невозможность для России стать равным

партнером США в мире и даже заметно влиять на процессы за пределами постсоветского пространства стала очевидной, для российской внешней политики вплоть до 2003 г. определяющим оставался «курс на сближение с Западом под флагом “европейского выбора” и с заявкой на союзнические отношения с США» [Тренин 2009, с. 19]. Владимир Путин даже предлагал тогдашнему президенту США Биллу Клинтону, чтобы Россия вступила в НАТО [Путин предлагал Клинтону 2017]. После нападения исламских террористов на Вашингтон и Нью-Йорк 11 сентября 2001 г., реагируя на которое Россия высказала полную поддержку США и содействовала организации американского военного транзита в Афганистан, с идеей приема РФ в Североатлантический альянс выступил и тогдашний премьер-министр Великобритании Тони Блэр [Матяш 2001]. Но эти предложения были проигнорированы администрацией США.

Новая внешняя политика, направленная, начиная со второй половины 2000-х гг., на то, чтобы выйти за пределы той роли, которая была отведена России в миросистеме и мировой политике в 1990-е гг. и против которой она в течение длительного периода фактически не выступала, имела неоднозначные результаты. С одной стороны, Российской Федерации удалось, невзирая на сильное сопротивление, последовательно проводить внешнеполитический курс, отстаивающий ее собственные интересы в разных регионах планеты. В результате предпринятых руководством страны усилий влияние России в мировой политике существенно выросло. Однако, с другой стороны, ограниченные экономические возможности РФ (сохранение экспортно-сырьевой ориентации экономики, незначительная доля в мировом производстве и торговле высокотехнологичными товарами, слабое участие в цепоч-

ках добавленной стоимости) не позволили Российской Федерации рассчитывать на место в ядре миросистемы, чтобы наряду с США и другими ведущими странами мира оказывать решающее влияние на процессы, происходящие в мировой экономике. Не удалось преодолеть и технологическое отставание России от ведущих капиталистических стран.

Предпринятые Российской Федерацией усилия не привели, да и не могли привести к возникновению альтернативного проекта, который бросил бы вызов целостности миросистемы и предложил бы реалистичную архитектуру нового мирового порядка. Что касается миросистемы, то у России в противовес либерально-демократическому капитализму не было никакой модели, способной претендовать на универсалистский характер. И даже если бы такая модель существовала, то для ее продвижения в остальной мир у Российской Федерации явно не хватило бы ресурсов.

В отношении миропорядка картина выглядела несколько сложнее. Реагируя на ставшее очевидным после американского вторжения в Ирак в 2003 г. начавшееся разрушение западоцентричного мира во главе с США, усиление роли крупных незападных держав, Россия попыталась выдвинуть собственную модель миропорядка. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г., сформулировал суть этой модели так: «Надеюсь, что выбор будет сделан в пользу демократического миропорядка, если хотите, назовите его post-west, когда каждая страна, опираясь на свой суверенитет, и в рамках международного права будет стремиться к поиску баланса сил между своими национальными интересами и интересами партнеров, при уважении культурной

и исторической самобытности каждого из них» [Черненко 2017]. Ключевым элементом в предложенной конструкции является национальный суверенитет, признание и соблюдение которого как высшей ценности должно обеспечить полное равноправие государств в мировой политике и, как следствие, демократический миропорядок. Однако ее слабость в том, что в современном мире суверенитет уже не является абсолютной ценностью. Глобализация экономики, транснациональные корпорации объективно ограничивают власть правительств национальных государств. В каком-то смысле можно утверждать, что «полный» и всеохватывающий суверенитет, покрывающий основные сферы политики и социально-экономической жизни, становится привилегией очень незначительного числа стран, обладающих диверсифицированной экономикой, значительными людскими ресурсами и крупной территорией. Для большинства же государств попытки осуществить «полный» суверенитет, особенно в таких сферах, как национальная безопасность, становится слишком дорогой задачей. Сказанное в равной мере относится как к развитым, так и к развивающимся странам. В отношении последних следует подчеркнуть, что, в отличие от XX в., когда в рамках национально-освободительного движения народов колониальных и полуколониальных стран обретенный ими суверенитет действительно рассматривался как высшая ценность, в нынешнем столетии приоритетной целью правительств подавляющего большинства развивающихся государств становится их социальная и технико-технологическая модернизация, открывающая путь росту благосостояния граждан. И если ради достижения этой цели приходится делегировать часть суверенитета в пользу наднациональных органов различ-

ных интеграционных группировок, правительства развивающихся стран легко соглашаются на подобные самоограничения. Таким образом, российский проект не может рассчитывать на универсальный характер в силу отсутствия привлекательности как для развитых, так и для развивающихся государств. Напомним, что у Советского Союза такой проект был, и он сохранял притягательность в глазах народов тогдашнего «третьего мира» вплоть до конца 1970-х гг.

Российское видение нового миропорядка представляется нереалистичным и по другой причине. Новый миропорядок, несмотря на его возможную большую по сравнению с нынешним миропорядком демократичность, не станет «плоским». Как справедливо отметил А. Кортунов, «это не значит, что в новом миропорядке не будет иерархий – без них все равно не обойтись. Но иерархии будут множественными, выстраивающимися вокруг конкретных международных проблем или областей сотрудничества» [Кортунов 2016]. Суверенитеты, да и то только крупных государств могут начать играть ключевую роль в мировой политике лишь в условиях нарастающего хаоса. Но в этом случае имеет смысл говорить не о мировом порядке, а о некой противоположности ему.

Вызов растущего Китая

Быстрый экономический рост Китая в конце прошлого – начале нынешнего века поначалу не вызывал у политиков многих стран опасений, что в скором будущем он может стать серьезным вызовом сложившейся миросистеме и претендовать на то, чтобы предложить человечеству собственную модель миропорядка. Лишь некоторые специалисты в области международ-

ных отношений предсказывали Китаю роль одного из центров нового миропорядка. Однако в практической политике доминировали взгляды и подходы, исходившие из неизбежности интеграции КНР в систему мирового капитализма. Они базировались в первую очередь на том, что реформаторский курс Дэн Сяопина был сфокусирован преимущественно на осуществлении глубоких социально-экономических преобразований внутри Китая. Во внешнеполитической же сфере Пекин долгое время не проявлял активности, за исключением вопросов, непосредственно затрагивавших интересы национальной безопасности КНР. Преимущественно это затрагивало лишь прилегающие к границам страны государства. К тому же в мире было распространено убеждение, что китайская внутривнутриполитическая модель, скорее всего, имеет переходный характер и потому вряд ли сможет через какое-то время претендовать на устойчивость и универсальность.

В ситуации отсутствия у Китая серьезного интереса к мировым проблемам Пекин с опасением относился к концепции глобального управления, видя в нем лишь делегирование части национального суверенитета наднациональным органам [Виноградов 2018, с. 24].

Однако в годы правления Си Цзиньпина эти представления были преодолены, а сама концепция глобального управления переосмыслена [Барановский, Иванова 2015, с. 240]. К этому времени КНР превратилась в экономическую сверхдержаву [Киссинджер 2015, с. 12]. Пекин стал проявлять большую заинтересованность в участии в деятельности институтов глобального управления – МВФ, Мирового Банка, ВТО, «Большой двадцатки» (G-20) и других. Задачи этого участия выделялись в первую очередь в снятии препятствий для торговли и инвестиций. По-

сле того как Китай сыграл роль локомотива в выведении мировой экономики из глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., он стал претендовать на то, чтобы играть одну из ведущих ролей в глобальном экономическом управлении. Но и в этой ситуации речь не шла о том, чтобы расколоть сложившуюся миросистему, а тем более предложить ей на замену какой-то альтернативный проект. Китай добивался лишь важного места в ядре этой системы и хотел ограничить монополию США на принятие ключевых решений в ней. Тогда многие эксперты расценивали это как подтверждение устойчивости миросистемы в том виде, в каком она сложилась после распада мировой социалистической системы.

Однако такая ситуация продержалась недолго. И по-видимому, решающая роль в этом принадлежала США. Долгое время, с самого начала китайских реформ, американские администрации проводили политику, направленную на интеграцию КНР в глобальную экономику и подключение Китая к решению региональных проблем. Эта политика активно поддерживалась убеждением, почерпнутым из теорий демократического транзита, о том, что развитие рыночных отношений и укрепление института частной собственности неизбежно повлечет за собой политическую либерализацию, которая со временем обусловит разрушение монополии КПК на власть и введение многопартийности.

Но политика США в отношении КНР стала меняться в годы президентства Барака Обамы, когда Китай достиг статуса экономической сверхдержавы. В это время наряду с политикой укрепления взаимодействия с КНР по различным линиям США начали выстраивать курс на военно-политическое сдерживание Китая, в первую очередь в Восточной Азии путем модерниза-

ции и усиления существующих с участием Америки союзов и партнерств, а также выстраивания новых. «Предполагалось, что такой многоаспектный подход создавал стимулы для поддержания Пекином существующего регионального порядка и одновременно обозначал цену за его подрыв» [Волошина 2019, с. 45].

Однако уже следующая администрация Д. Трампа развернула курс США по отношению к Китаю от его акцентированности на сотрудничество и партнерство в сторону «конфронтации в политике» и «противостояния в экономике» [Перспективы китайских реформ 2019, с. 104]. Инициированная осенью 2018 г. Вашингтоном торговая война с КНР, продолжающаяся и поныне, несмотря на все попытки урегулирования спорных вопросов, стала наиболее значительным проявлением нового качества двухсторонних отношений. В литературе широко распространена точка зрения, что со стороны США этот поворот не носит тактического характера, обусловленного некоторыми специфическими подходами администрации Д. Трампа к международным отношениям, а вызван глубокими изменениями в восприятии КНР американским истеблишментом, согласно которым Китай стал рассматриваться как стратегический соперник Америки. Именно поэтому Вашингтон взял курс на долгосрочное противостояние с ним [Лукин 2019, с. 83–85; Петровский 2019, с. 54–55]. Судя по всему, важную роль в развороте американской политики в отношении КНР сыграло и то обстоятельство, что надежды на демократический транзит Китая в сторону плюралистической демократии потерпели крах. То, что Пекин «бросил вызов американским ожиданиям», стали открыто признавать американские политики, дипломаты и эксперты [Campbell, Rat-

ner 2018]. Ныне все чаще высказывается мнение об устойчивости китайского авторитаризма. Западные специалисты по Китаю, отмечая его заметные успехи в создании «цифровой экономики», подчеркивают, что власти КНР преследуют при этом и политические цели: с помощью создания механизмов контроля, основанных на «больших данных», навязать гражданам и бизнесу конформистский тип поведения [Shi-Kupfer, Ohlberg 2019].

Заявленная китайским руководством готовность к противостоянию с США вызвала острые дискуссии как в партийных и академических кругах самого Китая [Лукин 2019, с. 72], так и в академических сообществах зарубежных стран. Многие участники дискуссий сомневались в правильности и целесообразности решения Си Цзиньпина о проведении жесткой линии в ответ на рост американских претензий. Однако для изучения интересующей нас проблемы важно другое, а именно то, что эта реакция уже дала толчок возникновению новых тенденций, которые могут вызвать серьезную эволюцию миросистемы и привести к возникновению проекта нового миропорядка.

Варианты будущего

Пекин выдвинул идею «сообщества судьбы человечества», которая рассматривается им не только как идеологическое сопровождение мегапроекта «Один пояс – один путь», но и является своеобразным посланием остальному миру, содержащим китайское видение того, каким образом должен быть устроен мировой порядок. В основе этой идеи «лежит стремление к созданию более справедливой и разумной модели глобализации, которая соответствовала бы интересам не только

развитого Запада, но и развивающихся стран» [Борох, Ломанов 2018, с. 68].

Важно и то, что китайская общественно-политическая и социально-экономическая система сегодня уже не рассматривается как нечто уникальное, принципиально не воспроизводимое в других обществах. Более того, есть основания полагать, что в условиях, когда в отличие от всего предшествующего периода китайских реформ, Китаю придется строить стратегию дальнейшего развития не на основе тесного сотрудничества с США и Западом, а в основном опираясь на собственные силы, это объективно будет способствовать лишь усилению «незападных» черт китайской модели [Виноградов, Рябов 2019, с. 82].

Некоторые ведущие западные специалисты по КНР, такие как Себастьян Хайльман, ныне высказывают мнение, что «если Китай сумеет построить на основе “больших данных” политически эффективную, экономически продуктивную и социально стабильную систему, она сможет обрести глобальное значение» [Борох, Ломанов 2018, с. 68].

И наконец, появилась точка зрения, согласно которой «сейчас налицо все признаки того, что в КНР формируется новый общественный строй – самостоятельный и органичный, отличный, что характерно, как от западного, так и от традиционного китайского. Он надстраивается над всем историческим наследием Китая – традиционным и социалистическим» [Виноградов, Салицкий 2019, с. 178].

Таким образом, налицо три фактора, которые теоретически, как минимум, могут бросить вызов целостности существующей миросистемы и придать импульс созданию новой системы международных отношений и миропорядка. Это формирующийся в Китае новый общественный строй, способный оказаться привлекатель-

ным для многих развивающихся стран (по опыту Советского Союза в XX в.); предложение другим странам глобальной идеи, призванной стать идеологическим фундаментом нового миропорядка, и наличие у КНР огромных экономических, а в перспективе и военно-политических ресурсов.

Однако достаточно ли всего этого для осуществления новой глобальной трансформации? Думается, в настоящее время категоричный ответ на этот вопрос вряд ли возможен в силу нескольких причин.

Во-первых, идея «сообщества судьбы человечества» сложна для восприятия в странах, имеющих иной цивилизационный опыт, и потому не может рассчитывать на притягательность для других народов. Это, судя по всему, понимают и сами китайские руководители, фактически признавая, что у Китая нет союзников [Лукин 2019, с. 85–86]. Все ранее существовавшие глобальные державы Нового времени имели *message* для остальной части мира, привлекательный для многих других стран или их элит. «Закон, сбалансированность и стабильность» – у бывшей Британской империи; «мировой коммунистический строй» – у Советского Союза», и наконец «благополучие и свобода» – у США. В многотысячелетней истории Китая не было такого опыта сосуществования с остальным миром. Китай в течение многих веков был самодостаточным обществом и государством, рассматривавшим окружающие его государства как вассальные «варварские королевства». Сумеет ли КНР в короткие исторические сроки выработать идею, привлекательную для значительной части человечества, остается большим вопросом.

Во-вторых, в нынешнем противостоянии с США, которые при президентстве Д. Трампа все больше тяготеют к изоляционизму и протекцио-

низму, КНР твердо позиционирует себя как новый лидер процессов глобализации. Сама по себе эта роль вызывает сильные сомнения в том, что Пекин внутри нынешней миросистемы или в противовес ей будет стремиться создать что-то свое, от нее автономное, а тем более противостоящее ей. Скорее всего, Китай станет добиваться эволюции миросистемы и миропорядка в каком-то ином направлении.

В-третьих, сам тезис о формировании в современном Китае какого-то нового общественного строя, что само по себе может стать фундаментом для альтернативного глобального проекта, как это было с Советским Союзом, звучит далеко не бесспорно. Нужно время, чтобы это предположение было подтверждено практикой. А без такого фундамента предположения о возникновении альтернативного проекта выглядят призрачными.

В этом контексте не случайным представляется и разброс мнений в отношении будущего и среди специалистов в области миросистемного анализа. Так, по мнению Хофун Хунга, новое американское лидерство выглядит более вероятным, чем доминирование мировой периферии во главе с Китаем. При этом КНР будет вынуждена радикально изменить свою модель развития и побудить к этому прочие страны периферии [Ho-fung Hung 2017, pp. 646–647]. Другие исследователи активно обсуждают как наиболее вероятную возможность утрату Западом его гегемонии и рассматривают различные варианты его поведения в таких условиях. При этом рассматриваются различные сценарии развития событий. Один предполагает возможность агрессивного сопротивления Западу усилению мощи мировой периферии, вплоть до использования военной силы. Другой – потерю Западом контроля над цепочками гло-

бального движения товаров. Согласно третьему сценарию, произойдет постепенная «провинциализация» Запада, превращение его в обычную мировую «провинцию» [Komlosi 2016].

Нам же наиболее реалистичным представляется такой вариант развития, при котором мир в первой половине XXI в., по-видимому, ожидает не новая глобальная трансформация мировых систем и даже миропорядка, а скорее их постепенная адаптация к изменившимся мировым реалиям. Не исключено при этом, что, как отмечает С. Караганов, мир войдет в новую эпоху противостояния, экономическую основу которого будет определять соперничество между либерально-демократическим капитализмом Запада и авторитарным капитализмом во главе с Китаем. И если эта вторая модель «докажет свою успешность, у части государств появится возможность переориентации или, по крайней мере, расширения их маневра» [Караганов 2017].

Список литературы

- Арриги Дж. (2006) Мой долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Барановский В.Г., Иванова Н.И. (ред.) (2015) Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН.
- Бауман З. (2004) Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир.
- Борох О., Ломанов А. (2018) Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 3. С. 59–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70
- Вайнштейн Г.И. (2017) Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. № 4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06
- Валлерстайн И. (2003) Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос.
- Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего.
- Виноградов А.О. (ред.) (2018) Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. М.: ИДВ РАН.
- Виноградов А.В., Рябов А.В. (2019) Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. № 3. С. 69–86. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05
- Виноградов А.В., Салицкий А.И. (2019) Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // Вестник Российской академии наук. Т. 89. № 2. С. 172–178. DOI: 10.31857/S0869-5873892172-178
- Волошина А.В. (2019) Китай в «тихоокеанском повороте» США // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 43–50. DOI: 10.31857/S013128120004637-1
- Жарков В., Захаров А., Рябов А., Симон М. (2017) Русская революция 1917 года для нашей страны и мира: взгляд сто лет спустя. Доклад к 100-летию Русской революции. М.: Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) // <http://www.gorby.ru/userfiles/file/doklad.pdf>, дата обращения 31.10.2019.
- Кагарлицкий Б. (2004) Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра-Культура.
- Караганов С. (2017) Новая эпоха противостояния // Россия в глобальной политике. № 6 // <https://globalaffairs.ru/number/Novaya-epokha-protivostoyaniya-19198>, дата обращения 31.10.2019.
- Киссинджер Г. (2015) О Китае. М.: АСТ.

- Кортунов А. (2016) Неизбежность странного мира // Россия в глобальной политике. 16 июля 2016 // <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>, дата обращения 31.10.2019.
- Кувалдин В.Б. (2017) Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир.
- Лапкин В.В., Пантин И.В., Рябов А.В. (2014) Новая периферия. Трудности посткоммунистического развития // Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) Глобальная перестройка. М.: Весь мир. С. 185–208.
- Лукин А.В. (2019) Дискуссии о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06
- Матяш А. (2001) России предложено вступить в НАТО // *Gazeta.ru*. 17 ноября 2017 // <https://www.gazeta.ru/2001/11/17/rossiipredlo.shtml>, дата обращения 31.10.2019.
- Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Ч. 1: Внешнеполитический контекст реформ, китайско-американские отношения, дискуссии об экономической либерализации и оценка процесса углубления реформ в Китае. *Круглый стол (2019) // Сравнительная политика*. Т. 10. № 2. С. 99–117 // https://elibrary.ru/download/elibrary_38220798_24997384.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Петровский В.Е. (2019) Америка-но-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // *Проблемы Дальнего Востока*. № 2. С. 51–58. DOI: 10.31857/S013128120004638-2
- Путин предлагал Клинтону рассмотреть вариант вступления РФ в НАТО (2017) // ТАСС. 6 июня 2017 // <https://tass.ru/politika/4310986>, дата обращения 31.10.2019.
- Тренин Д. (2006) Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа.
- Тренин Д. (2009) *Одинокое плавание*. М.: Изд-во Р. Элинина.
- Фукуяма Ф. (1990) Конец истории? // *Вопросы философии*. № 3. С. 134–148 // <http://alt-future.narod.ru/Future/fuku1.htm>, дата обращения 31.10.2019.
- Черненко Е. (2017) Сергей Лавров объявил о новой эпохе в международных отношениях. Глава МИД выступил с программной речью в Мюнхене // *Коммерсант*. 18 февраля 2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3224056>, дата обращения 31.10.2019.
- Campbell K.M., Ratner E. (2018) *The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations* // *Foreign Affairs*, March/April 2018 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>, дата обращения 31.10.2019.
- Gat A. (2007) *The Return of Authoritarian Great Powers* // *Foreign Affairs*, July/August 2007 // <https://foreignaffairs.com/articles/china/2007-07-01/return-authoritarian-great-powers>, дата обращения 31.10.2019.
- Ho-fung Hung (2017) *Hegemonic Crisis, Comparative Systems, and Future of Pax Americana* // *Journal of World-Systems Research*, vol. 23, no 2, pp. 637–648. DOI: 10.5195/JWSR.2017.723
- Jacquers M. (2009) *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London, New York: Penguin Books.
- Komlosy A. (2016) *Prospects of Decline and Hegemonic Shifts for the West* // *Journal of World-Systems Research*, vol. 22, no 2, pp. 463–483. DOI: 10.5195/JWSR.2016.627
- Shi-Kupfer K., Ohlberg M. (2019) *China's Digital Rise. Challenges for Europe* // *MERICs Papers on China*, no 7 // https://www.merics.org/sites/default/files/2019-04/MPOC_No.7_ChinasDigitalRise_web_final.pdf, дата обращения 31.10.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

From Integrity to the New Split and Rivalry? (World-System and World Order in Changing Realities)

Andrey V. RYABOV

PhD in History, Leading Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreyr@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-7724-3962

CITATION: Ryabov A.V. (2019) From Integrity to the New Split and Rivalry? (World-System and World Order in Changing Realities). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 32–48 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

Received: 06.08.2019.

ABSTRACT. *The collapse of the Soviet Union and socialist commonwealth contributed to the reconstruction of integrity of the World-System. These changes became a major global transformation of the second half of the XX century. Then there was an opinion that over time the model of liberal capitalism would be established in all countries. However the restoration of the integrity of the global world did not lead to shaping of its homogeneity. New contradictions emerged both between developed and developing countries and within the core countries of the World-System. All of this undermined stability of the system and contributed to the gradual distraction of the unipolar world order. Russia initially tried to be integrated into the new world reality and become the main partner of the USA as a center of the World-System. However the plans of the United States and its allies did not provide that Russia would retain its role as an important and independent actor in world politics. As a result, Russia's integration into the West did not take place. Nev-*

ertheless having made the transition to an independent policy not subordinated to the USA and its allies Russia could not claim to create alternative global social project as the Soviet Union had. To do this Russia had neither resources nor attractive idea for the rest of the world. As China began to turn into economic superpower it seemed that Beijing was not going to offer the world its own social project alternative to liberal capitalism but it claimed only to take place in existing global system corresponding to its economic impact. Situation was changed after the USA in the middle of the 10-th felt in China a serious rival and moved to the policy of deterrence of it. China began to work out its own model of the world order. Now in comparison with the past many experts suppose that Chinese model of the social and political order may be used by other developing countries. Will this lead to emergence of the new global project alternative to the Western liberal capitalism and to distraction of integrity of the World-System? Will there be a new global transformation as a result of

current processes? This article is devoted to the analysis of probable prospects of these tendencies of the world development.

KEYWORDS: *World-System, world order, integrity, stability, USA, liberal capitalism, alternative global project, Russia, China, US-China relations*

References

- Arrighi G. (2006) *My Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*, Moscow: Territoriya Budushego (in Russian).
- Baranovskij V.G., Ivanova N.I. (eds.) (2015) *Global Governance: Opportunities and Risks*, Moscow: IMEMO RAN (in Russian).
- Bauman Z. (2004) *Globalization. The Human and Societal Consequences*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Borokh O., Lomanov A. (2018) China's New Epoch: From Seeking Wealth To Gaining Strength. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 62, no 3, pp. 59–70 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70
- Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations. *Foreign Affairs*, March/April 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-02-13/china-reckoning>, accessed 31.10.2019.
- Chernenko Ye. (2017) Sergei Lavrov Announced a New Era in International Relations. Foreign Minister Delivered a Keynote Speech in Munich. *Kommersant.ru*, February 18, 2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3224056>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Fukuyama F. (1990) The End of History? *Voprosy Filosofii*, no 3, pp. 134–148. Available at: <http://alt-future.narod.ru/Future/fuku1.htm>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Gat A. (2007) The Return of Authoritarian Great Powers. *Foreign Affairs*, July/August 2007. Available at: <https://foreignaffairs.com/articles/china/2007-07-01/return-authoritarian-great-powers>, accessed 31.10.2019.
- Ho-fung Hung (2017) Hegemonic Crisis, Comparative Systems, and Future of Pax Americana. *Journal of World-Systems Research*, vol. 23, no 2, pp. 637–648. DOI: 10.5195/JWSR.2017.723
- Jacquers M. (2009) *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*, London, New York: Penguin Books.
- Kagarlitskij B. (2004) *The Peripheral Empire. Russia and World-System*, Moscow: Ultra-Kultura (in Russian).
- Karaganov S. (2017) A New Era of Confrontation. *Russia in Global Affairs*, no 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Novaya-epokha-protivostoyaniya-19198>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Kissinger H. (2015) *About China*, Moscow: AST (in Russian).
- Komlosy A. (2016) Prospects of Decline and Hegemonic Shifts for the West. *Journal of World-Systems Research*, vol. 22, no 2, pp. 463–483. DOI: 10.5195/JWSR.2016.627
- Kortunov A. (2016) The Inevitability of the Strange World. *Russia in Global Affairs*, July 16, 2016. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Neizbezhnost-strannogo-mira-18288>, accessed 31.10.2019 (in Russian).
- Kuvaldin V.B. (2017) *The Global World. Politics. Economy. Social Relations*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Lapkin V.V., Pantin V.I., Ryabov A.V. (2014) A New Periphery. Difficulties of Post-communist Development. *Global perestroika*. Chapter 8. (eds. Dynkin A.A., Ivanova N.I.), Moscow: Ves' Mir, pp. 185–208 (in Russian).
- Lukin A.V. (2019) Discussion on the Development of China and Prospects for

Its Foreign Policy. *Polis*, no 1, pp. 71–89 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Matyash A. (2001) Russia is Proposed to Join NATO. *Gazeta.ru*, November 17, 2017. Available at: <https://www.gazeta.ru/2001/11/17/rossiipredlo.shtml>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Petrovskiy V.E. (2019) US-China Trade Wars: Economy or Geopolitics? *Problemy Dalnego Vostoka*, no 2, pp. 51–58 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120004638-2

Prospects of Chinese Reforms in a Changed World: Round Table. Part 1. “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China (2019). *Comparative Politics*, vol. 10, no 2, pp. 99–117. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38220798_24997384.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Putin Invited Clinton to Consider the Option of Russia’s Accession to NATO. *TASS*, June 6, 2017. Available at: <https://tass.ru/politika/4310986>, accessed 31.10.2019 (in Russian).

Shi-Kupfer K., Ohlberg M. (2019) China’s Digital Rise. Challenges for Europe. *MERICIS Papers on China*, no 7. Available at: https://www.merics.org/sites/default/files/2019-04/MPOC_No.7_ChinasDigitalRise_web_final.pdf, accessed 31.10.2019.

Trenin D. (2006) *Integration and Identity: Russia as the “New West”*, Moscow: Evropa (in Russian).

Trenin D. (2009) *Solo Voyage*, Moscow: Izdatel’stvo R. Elinina (in Russian).

Vainshtein G.I. (2017) Modern Populism as a Subject of Political Science. *Polis*, no 4, pp. 69–89 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

Vinogradov A.O. (ed.) (2018) *The Decisions of the XIX Congress of CPC and Perspective of Russian-Chinese Relations*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Vinogradov A.V., Ryabov A.V. (2019) Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation. *Polis*, no 3, pp. 69–86 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

Vinogradov A.V., Salitskiy A.I. (2019) Can We Speak of a New Social Formation in China? *Vestnik Rossiiskoj Akademii Nauk*, vol. 89, no 2, pp. 172–178 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869-5873892172-178

Voloshina A.V. (2019) China in “Pacific Pivot” of the USA. *Problemy Dalnego Vostoka*, no 2, pp. 43–50 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120004637-1

Wallerstein I. (2003) *The End of the World as We Know It*, Moscow: Logos (in Russian).

Wallerstein I. (2006) *World-Systems Analysis: an Introduction*, Moscow: Territoriya buduschego (in Russian).

Zharkov V., Zakharov A., Ryabov A., Simon M. (2017) *Russian Revolution 1917 for Our Country and the World: Look a Hundred Years Later*, Moscow: Gorbachov-Foundation. Available at: <http://www.gorby.ru/userfiles/file/doklad.pdf>, accessed 31.10.2019 (in Russian).